

Генри Лайон Олди

МИНИАТЮРЫ

КОЕ-ЧТО О ЖЕНЩИНАХ

1. КОМУ КТО

— Лебедь, — с восторгом сообщила Леда. — Это что-то особенное! Пух, перо... Крылья. А клюв! Девочки, вы даже не представляете, на что способен клюв!

— Клю-у-у-в! — передразнила ее Европа. — Червяков хватать, и весь твой клюв! Вот бык — это да! Сила, мощь, напор... А темперамент? Сразу видно — производитель! Рекордсмен!

Даная сладко потянулась.

— Рожки, — сказала она. — Перышки. Как по мне, вся эта зоофилия... Не вдохновляет. Я предпочитаю дождик. Золотой. Течет, струится...

— Лебедь!

— Бык!

— Дождь!

Устав спорить, все трое повернулись к скромно молчавшей Алкмене:
— А ты? В каком виде Зевс явился тебе?
— В виде моего мужа, — пожала плечами Алкмена.
— И как?
— Нормально. Муж как муж.
— Фи! — скривилась Леда. — Муж!
— Муж? — задумалась Европа. — Нет, что-то не очень...
Даная и вовсе махнула рукой.
— Муж — это пошло! — заключили они.
— Ну, не знаю, — сказала Алкмена. — Собственно, от мужа я родила Геракла...

КОЕ-ЧТО О ДРАКОНАХ

1. ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ

— Твои старшие братья Муан и Пендрагон погибли, — сказала советник, чьего имени история не сохранила. — Теперь ты — наследник престола.
— Ага, — согласился Утер.
— Однако ты молод, и не успел прославиться.
— Молодость быстро проходит, — вмешался Мерлин. — А мудрость важнее славы.
Советник одарил волшебника ледяной улыбкой.
— Времена сейчас смутные...
— А когда были другие?
— ...могут начаться волнения. Мигом отыщется какой-нибудь бастард или самозванец. Вот если бы будущий король перед коронацией совершил великий подвиг...
— Какой? — глаза Утера загорелись.
— К примеру, убил бы дракона, разоряющего окрестные земли.
— Разоритель! — хмыкнул Мерлин. — Да крестьяне сами его подкармливают!
— И стонут под непосильной данью, которой обложило их чудовище!
— Где?! — Утер вскочил с кресла. — Где его пещера?
— Я покажу тебе дорогу.
— Даже не думай об этом!
— Чародей! — подбоченился Утер. — Ты смеешь приказывать наследному принцу?!
— И все же я бы настоятельно не советовал...
— Эй, слуги! Седлайте моего коня!

Всадник, выехавший из леса, не слишком уверенно держался в седле. Конь фыркал и косился на седока налитым кровью глазом. Мерлин взял коня за повод, повел ладонью, успокаивая животное.

— Утер? Ты ранен?!
— Нет. Я устал. Очень устал.
— А что с драконом?
— Я... Да, я сразил его.

Щека Утера дернулась, словно он пытался улыбнуться.

— Твой отец совсем плох, — волшебник испытующе вглядывался в лицо принца. — Скоро ты станешь королем. Тебе понадобится новое имя, с которым ты вступишь на трон. Ты еще не думал об этом?

— Новое имя? Пожалуй. Я буду зваться Утер Пендрагон.
— В честь погибшего брата?
— Да, в честь брата. Конечно.

— Утер Пендрагон, — повторил Мерлин. — "Главный дракон". Звучит грозно. И все же... Ты очень рисковал, отправившись на бой! Знаешь ли ты, что рыцарь, сразивший дракона, часто сам становится драконом?

— Часто, но не всегда. Бывает и наоборот.

Утеру наконец удалось улыбнуться.

— Пожалуй, не стоит упоминать в летописях об этом моем... — скаля зубы, белые и острые, он поискал подходящее слово. — Подвиге.

Мерлин поклонился:

— Как скажете, милорд.

КОЕ-ЧТО О ПРОВИДЦАХ

1. ТИРЕСИЙ

Восстань, пророк, и виждь, и внемли...

А. Пушкин

— И тебя тоже, — кивнул Тиресий.

Плотно зажмурившись, он дергал лицом, словно вглядывался в даль времен.

— Кто? — спросила Афродита.

— Этот, — Тиресий обеими руками зарылся в кудлатую бороду. — Как его...

Афродита не торопила слепца. Знала — бесполезно.

— О, вижу! Рубенс. Питер Пауль. Ты, значит, перед зеркалом. Со спины.

— Хорошенькая?

— Ага. Мясная такая, сдобная. Блондинка. Ты у Рубенса везде блондинка. Ты-купальщица, ты-холодная...

— Какая? — обиделась Афродита. — Это я-то холодная? Ах ты, старый гермафродит...

Тиресий с достоинством погрозил богине пальцем.

— Нечего на провидца пенять, Пеннорожденная! Это ты у Рубенса — холодная. Картина так называется. Ветер, холодрыга, и ты голышом. Скукожилась вся, дрожишь. Мяса поменьше, вот и пробирает.

— Что, кроме Рубенса, ничего не видишь?

— Вижу. Тициан, значит. Поклонение тебе, ты и Адонис, ты с органистом и Эротом...

Афродита нахмурилась:

— С органистом? Не помню. Ареса помню, Гермеса помню, Адониса, Анхиза... Что за органист?

— Не в курсе, — пожал плечами Тиресий.

— Красавчик?

— Так себе... Музыцирует, а сам, извините, на твой живот пялится.

— Это правильно, — согласилась польщенная Афродита. — Это он знает, куда пялиться. Как у него орган, ничего?

— Большой, — кратко ответил Тиресий.

— А еще кто?

— Все, устал, — Тиресий закапризничал. — Горло болит. Завтра приходи.

— Ага, завтра. Сам говорил: завтра у тебя Гера...

— Ну, послезавтра. Нет, лучше в конце недели.

— Тиресий, миленький! А про Джорджоне? Ты же обещал про Джорджоне!

Дождавшись, пока богиня уйдет, провидец ухмыльнулся в бороду. «Когда ты уже сдохнешь?» — удивлялись родственники и друзья Тиресия. «Не дождетесь!» — думал он.

Пока женщины тщеславны — пророки бессмертны.

КОЕ-ЧТО ПРО ВАМПИРОВ

1. МЕЧТА

Один мальчик мечтал стать вампиром.

Он даже учился на вампира. Не выходил на улицу, когда ярко светило солнце. Мама и папа ругали его за прогулы, классная дама звонила из школы домой – а он все равно не выходил. Или прятался в подъезде. Спал мальчик в гробу. Гроб он сделал сам, на уроке труда. Учитель, в прошлом – столяр-краснодеревщик, даже похвалил его. Не всякий гробовщик сделает такую чудесную вещь, сказал учитель и поставил мальчику пятерку в дневник.

Землю с кладбища мальчик принес, когда они всей семьей ходили навестить могилу бабушки. Это была хорошая земля. Когда он спал в гробу, земля рассказывала ему сказки.

Лука и чеснока мальчик не ел. К серебру не прикасался. У мамы были серебряные сережки, так он никогда не разрешал себя целовать, пока мама не вытащит сережки из ушей. К стоматологу мальчик ходил без боязни. Не плакал, не удирал из кабинета. И всегда просил нарастить ему клыки. Стоматолог радовался такому хорошему пациенту. Но клыки не наращивал, потому что папа мальчика строго-настрого запретил врачу это делать.

Если бы не папа, тогда конечно.

Одноклассники мальчика не любили. Но и не обижали. Ну его, думали одноклассники. А вдруг выучится? Они были очень практичные ребята. Каждому льстило, что он знаком с будущим вампиром.

Когда мальчик вырос, он стал санитарным инспектором. А что? Всякий труд почетен. Мальчик так и не рассказал никому, что, когда он заканчивал школу, к нему пришел настоящий вампир. Ну его к черту, сказал вампир. Никакой радости, одни проблемы. Ешь чеснок, дурачок. В нем куча витаминов.

«А мечта? — спросил мальчик. — Как же мечта?»

У всех мечта, ответил вампир.

«И у тебя?» — спросил мальчик.

Ага, ответил вампир.

Какая?

Не скажу.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1. АИД И ПЕРСЕФОНА

– Разве это жизнь?

– Нет, – согласился Аид, оглядевшись вокруг. – Это не жизнь. Это, скажем прямо, совсем наоборот.

Персефона надула губки.

Муж, владыка царства мертвых, всегда был прав. Это раздражало.

– Домой хочу, – заявила она. – К маме.

Аид пожал плечами:

– К маме – летом. Точнее, весной. Сейчас нельзя.

– Давай хоть ремонт сделаем!

– Давай, – кивнул Аид. Больше всего на свете ему хотелось надеть шлем-невидимку и удрать в Тартар. – Ты продумала дизайн?

Персефона воодушевилась.

Слушая жену, Аид живо представлял себе будущий пейзаж, начиная с кухни. Значит, тут котлы. Тут – сковородки. Везде – огонь. Все булькает, шипит, скрежещет. Обслуга в живописной шерсти. Мускулы, копыта, хвосты. Ну да, рога – при характере Персефоны это неизбежно. Из домашних животных – тифончики, ехидинки. Цербера оставим, он симпатичный. Бездны, трещины, жерла. Стену снесем, сделаем «гостинку» с Тартаром...

– Через мой труп, – сказал Аид.

Персефона задумалась.

– Ты бессмертен, милый, – мурлыкнула она. – Но я что-нибудь придумаю.